

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.Л. Катанский

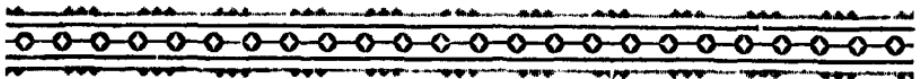
**Воспоминания
старого профессора
(с 1847 по 1913 гг.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1914. № 5. С. 581-613.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
www.spbda.ru, 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](http://creativecommons.org/licenses/by-nd/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Воспоминанія старого профессора (съ 1847 по 1913 г.).

III. Въ С.-Петербургской Духовной Академіи: XXV-й курсъ 1859—1863 г.

ТЪѢЗДЬ изъ Нижняго Новгорода въ Петербургъ имѣлъ для меня большее значеніе, чѣмъ для другихъ, въ томъ числѣ и для моего спутника, Ф. Г. Елеонскаго. Это былъ рѣшительный переломъ, крутой поворотъ въ моей личной жизни. Жившій доселѣ, со временъ младенчества, въ семействѣ, да еще очень замкнутомъ, не испытавшій жизни среди чужихъ, я чувствовалъ себя беззащитнымъ птенцомъ, выпавшимъ изъ родного гнѣзда. Другіе мои товарищи, оставлявшіе родительские дома на цѣлые учебные годы, для ученья въ училищѣ и семинаріи, не могли и наполовину чувствовать того, что переживалъ я. Неудивительна поэтому моя растерянность и нервность, сопутствовавшія мнѣ во все время нашего путешествія и еще болѣе усилившіяся по приѣздѣ въ холодный во всѣхъ смыслахъ Петербургъ, всего менѣе способный успокоительно и живительно подѣйствовать на взбудораженные нервы и захолодѣвшее сердце.

Трогательно простившись съ родителями, родными и прекраснымъ Нижнимъ Новгородомъ, поѣхали мы, въ началѣ августа 1859 г., на Самолетскомъ пароходѣ, вверхъ по Волгѣ на Ярославль, такъ какъ нижегородской дороги тогда еще не было; она только что начинала строиться. На этомъ пароходѣ, совершенно неожиданно, оказался у насъ еще спутникъ, студентъ пермской семинаріи, юхавшій также въ Петербургскую Академію и такъ же, какъ и мы, волонтеромъ — А. Е. Адріа-

новскій. Пріѣхали мы въ Ярославль рано утромъ, на очень короткое время остановились въ общей залѣ одной весьма видной, едва ли не самой лучшей гостиницы этого города,— родины и разсадника русскихъ трактирщиковъ и трактировъ. Здѣсь, въ этой гостинице (Пастухова) мы поражены были множествомъ сборщиковъ и сборщицъ, въ особенности монаховъ и монахинь, пристававшихъ въ общей залѣ къ посѣтителямъ съ просыбами о пожертвованіи. Хотя мы и привыкли въ своеемъ Нижнемъ, въ особенности во время ярмарки, къ этому зрѣлищу, но слишкомъ большое количество сборщиковъ, да еще монашествующихъ, и притомъ раннимъ утромъ, показалось намъ все-таки необычайнымъ. Напившись чаю, отправились отыскивать контору экипажей частнаго общества «Общественная Польза», на которую указали намъ на пароходѣ. Въ одномъ изъ дилижансовъ этого общества и пришлось намъѣхать въ Москву, такъ какъ и ярославской желѣзной дороги тогда еще не было, не было желѣзного пути и на участкѣ отъ Троице-Сергіева Посада до Москвы. На этомъ участкѣ желѣзная дорога открыта была года черезъ два (вероятно въ 1861—1862 г.), гораздо раньше устройства полной линіи московско-ярославской желѣзной дороги. Їхали мы въ дилижансѣ, отъ Ярославля до Москвы, около двухъ сутокъ (240 верстъ) чрезъ Ростовъ, Переяславль, Троице-Сергіевъ Посадъ. Когда мы пріѣхали въ Посадъ, несмотря на короткое время остановки, успѣли однако посѣтить соборъ, гдѣ покоятся мощи преп. Сергія и посмотреть на Московскую Духовную Академію, заглянули даже въ студенческія комнаты.

Пріѣхали мы въ Москву наканунѣ праздника Преображенія Господня, въ прекрасный ясный день, остановились па краю города на какомъ-то плохенькомъ постояломъ дворѣ и, конечно, сейчасъ же отправились въ московскій Кремль, приведшій насъ въ восторгъ. Тамъ готовился крестный ходъ; время было уже къ вечеру, началась всенощная. Дивный видъ на Замоскворѣчье и затѣмъ выложенная гладкими плитами, точно въ храмѣ, площадь Кремля, окруженная величественными древними соборами, украшенная хоругвями крестнаго хода и оживленная собравшимся народомъ, представляла картину, полную поразительного великолѣпія и умилильной красоты. Да и вся Москва крайне намъ понравилась, и неудивительно, такъ какъ, въ обширныхъ размѣрахъ, она напо-

миала намъ нашъ родной городъ и если не отличалась такимъ выдающимся мѣстоположеніемъ, какъ Нижній, за то говорила сердцу очень много своимъ несравненнымъ ни съ чѣмъ Кремлемъ, своими многочисленными древними памятниками и церквами и чисто-русскимъ характеромъ. Мягкій ея климатъ, гораздо лучшій нижегородскаго, также подкупалъ въ ея пользу. Не такое впечатлѣніе произвѣль на насъ Петербургъ.

Туда мы отправились уже по желѣзной дорогѣ. И хотя пассажирскіе поѣзда ходили тогда отъ Москвы до Петербурга ровно 30 часовъ, но эта, по нынѣшнему времени крайне медленная, ъѣза показалась намъ тогда, послѣ ъѣзы въ дилижансѣ, необычайно быстрой. Такое впечатлѣніе нѣсколько ослаблялось только слишкомъ продолжительнымъ стоянью поѣзда на каждой изъ многочисленныхъ станцій, обыкновенно не менѣе 10 минутъ на самой незначительной станціи и не менѣе получаса, а то и цѣлый часъ—на большой¹⁾). Кондукторами были тогда солдаты въ киверахъ, да и все управление желѣзной дороги было военное; съ пассажирами не церемонились, а пріучали ихъ къ военной субординаціи; особенно, помнится, грозно держали себя кассиры, вселяя трепетъ въ пассажировъ, подходящихъ за билетами къ ихъ решеткѣ. Для проѣзда по желѣзной дорогѣ выдали намъ билеты, не нынѣшніе маленькие, а больше длинные листики, съ обозначеніемъ всѣхъ многочисленныхъ до Петербурга станцій и съ выставленною противъ каждой — цѣною проѣзда до нея, отъ Москвы.

Пріѣхали въ Петербургъ подвечеръ. Здѣсь наскѣ встрѣтило сѣроѣ, свинцовое небо и слегка моросящій дождь. Самое первое впечатлѣніе получилось непріятное, какъ разъ противоположное тому, какое произвѣла на насъ Москва. Повѣяло холодомъ, пахнуло какимъ-то нерусскимъ духомъ, и народъ оказался какимъ-то особыеннымъ, далеко не такимъ благодушнымъ, какъ москвичи, сумрачнымъ, чѣмъ-то озабоченнымъ, быстро куда-то бѣгущимъ. Словомъ, невольно скжалось сердце и захотѣлось поскорѣе бѣжать изъ этого несимпатичнаго го-

¹⁾ Когда пріѣхали на станцію Тверь, мы поражены были возгласомъ кондуктора: „станція Тверь, берегите карманы“. Такое предупрежденіе пассажировъ относительно этой станціи приходилось слышать долго (до 70-хъ годовъ) и въ послѣдующіе годы ъѣзы по Николаевской желѣзной дорогѣ.

рода. Не предчувствоvalъ я тогда, что придется прожить въ немъ болѣе двухъ третей жизни и навсегда въ немъ поселиться.

При переѣздѣ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ городъ случилось съ нами курьезное приключение. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, въ какой части города находится Академія и по-нижегородски предполагая, что она всѣмъ здѣсь извѣстна¹⁾, мы велѣли извозчику вести насъ въ Духовную Академію. Помнится, извозчикъ сначала какъ-то замялся,—на что мы тогда не обратили никакого вниманія,—а потомъ быстро сообразивъ, что мы прїѣзжіе, попали въ Петербургъ въ первый разъ, отвѣтилъ, что онъ знаетъ, гдѣ находится Духовная Академія и повезъ насъ какъ разъ въ противоположную сторону—къ Казанскому Собору. Затѣмъ, когда привезъ насъ къ гостиницѣ, на Екатерининскомъ каналѣ, противъ Казанского Собора, на нашъ вопросъ, гдѣ же находится Академія, рѣшительно махнулъ рукой по направлению собора и отвѣтилъ только: «тамъ». Въ добавокъ, въ наказаніе за нашу неопытность и за то, что мы не условились на счетъ платы за провозъ (воображали почему-то, что въ Петербургѣ есть такса для извозчиковъ) содралъ 1 р. съ насъ (а другой извозчикъ еще 1 р. съ нашего спутника)—за это небольшое пространство. Отъ коридорнаго гостиницы мы потомъ узнали, что въ Петербургѣ есть двѣ духовныя академіи, одна на Васильевскомъ островѣ (римско-католическая), а другая за Александро-Невскою Лаврою (православная). Занявъ номеръ въ гостиницѣ, мы остановились здѣсь втроемъ, вмѣстѣ съ неразлучнымъ нашимъ, начиная съ парохода, спутникомъ А. Е. Ад—мъ и провели первые сутки въ Петербургѣ. Нашъ компаньонъ былъ чрезвычайно радъ, что попалъ въ столицу²⁾,

¹⁾ Потомъ мы имѣли много случаевъ убѣдиться, что въ Петербургѣ въ тогдашнее время очень мало знали нашу Академію не только извозчики, но даже и свѣтскіе образованыи люди и смѣшивали ее по большей части съ духовной консисторіей, а иные—съ духовной семинаріей. Большая ея извѣстность началась съ 1869 г., когда начали печатать о ней въ свѣтскихъ газетахъ, по поводу диспутовъ, годичныхъ актовъ и т. п.

²⁾ Какъ только мы вошли въ номеръ гостиницы, онъ развеселилъ насъ однимъ очень наивнымъ замѣчаніемъ. Увидѣвъ въ занятомъ нами номерѣ кошку, онъ воскликнулъ: „а знаете что, братцы: вѣдь это кошка столичная!“ Вѣроятно, думалъ онъ, при этомъ: вотъ сколько сотъ верстъ пришлось мнѣ проѣхать, чтобы попасть изъ Екатеринбурга въ Петербургъ, а это животное со дня своего рожденія пользуется благами столичной жизни и есть воистину коренной столичный житель.

съ границы Сибири, изъ Екатеринбурга. Меня же, какъ сказано, она совсѣмъ не привела въ восторгъ. Если что въ ней понравилось и пріятно поразило, то это обиліе памятниковъ, статуй и другихъ произведеній искусства, вродѣ группъ на Аничковомъ мосту.

Впрочемъ, все это мы успѣли разсмотрѣть только въ слѣдующіе дни, а на другой день по прѣздѣ первымъ дѣломъ, конечно, поспѣшили въ Академію, предъявили въ ней свои билеты, а затѣмъ отправились отыскивать для себя на время экзаменовъ болѣе дешевое помѣщеніе¹⁾). Въ качествѣ волонтеровъ мы не имѣли права пользоваться помѣщеніемъ въ зданіи академіи; это была привилегія студентовъ, присланныхъ изъ духовныхъ семинарій на казенный счетъ.

Прежде всего мы отправились въ слободку, помѣщающуюся за Обводнымъ Каналомъ, какъ разъ противъ Академіи. Туда направили насъ окончившіе въ томъ году академической курсъ (XXIII) и жившіе въ академіи, въ ожиданіи назначеній на мѣста. Эта слободка была обычнымъ мѣсто пребываніемъ волонтеровъ, приѣзжающихъ держать экзаменъ для поступленія въ Академію. Но мы почему-то не нашли въ ней подходящаго для насъ помѣщенія²⁾ и рѣшились искать его въ самомъ го-

¹⁾ Хотя гостинница, въ которой мы принуждены были остановиться, далеко не принадлежала къ числу перворазрядныхъ, но все-таки она была намъ не по карману, въ особенности мнѣ съ Ф. Г. Елѣмъ. Нашъ спутникъ былъ гораздо богаче насъ. Мой небогатый родитель снабдилъ меня деньгами въ очень небольшомъ количествѣ. И безъ того пришлось много издержать на наше путешествіе, да предстоялъ еще взносъ на первоначальное обмунированіе (34 р. 28 к.) съ каждого волонтера, принятаго на казенное содержаніе. Полная плата принятаго въ Академію, но на своемъ содержаніи, т. е. пансионера, была тогда 143 р. 16 к. въ годъ. Какъ устроились денежная дѣла Ф. Г. Елѣго, совсѣмъ не помню. Вѣроятно, мой дѣль собралъ послѣдніе крохи для своего послѣдняго сына; да и мой родитель, безъ сомнѣнія, не отказался помочь, насколько могъ, своему младшему брату.

²⁾ На одной изъ осмотрѣнныхъ нами квартиръ квартирная хозяйка, узнавъ, что мы нижегородцы, сообщила намъ, что вѣсколько лѣтъ тому назадъ у нея жилъ также нижегородецъ, который такъ же, какъ и мы, пріѣхалъ въ Академію, но что-то ему здѣсь не повезло, и онъ перешелъ на Васильевский Островъ. Мы сейчасъ же догадались, что это былъ нашъ землякъ Н. А. Добролюбовъ, поступившій въ Педагогическій Институтъ. Когда мы назвали ей фамилію, она подтвердила нашу догадку. Это было несомнѣнно въ 1853 г., такъ какъ въ этомъ именно году Н. А. Добѣ въ поступилъ въ Педагогическій Институтъ, который и окончилъ въ 1857 г.

родѣ, гдѣ и нашли въ одной третъеразрядной гостиницѣ («Ярославль»), помѣщавшейся по Гончарной улицѣ, совершенно рядомъ съ вокзаломъ Николаевской жел. дороги. Питались здѣсь очень плохо, прибѣгая больше къ сухояденію, да чаю съ булками. Поразила насъ вода, которую подавали намъ для чая. Въ чайникѣ съ кипяткомъ оказывался всегда очень толстый слой грязи (не песку, или извести, а именно грязи). На вопросъ нашъ, отъ чего это зависить, намъ отвѣчали, что они берутъ воду изъ Лиговскаго канала, который протекалъ мимо вокзала и шелъ чрезъ всю Лиговскую улицу, по направлению къ Таврическому саду. Тогда вода не была еще проведена въ дома и ее возили бочками¹). Поэтому-то

Слѣдовательно, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, не окончивъ полнаго семинарскаго курса, хотя его биографы и утверждаютъ, будто онъ его окончилъ. Полный семинарскій курсъ онъ могъ окончить только въ слѣдующемъ 1854 г., въ которомъ окончили семинарію семинарскіе его товарищи (В. В. Лаврскій и В. И. Соколовъ), посланные на казенный счетъ, въ томъ же 1854 г., въ казанскую академію и окончившіе ее въ 1858 г. Дѣло въ томъ, что годы окончанія курсовъ въ нижег. сем., какъ и въ другихъ семинаріяхъ казанскаго и московскаго академическихъ округовъ, были тогда только четные (вѣдь, не нужно забывать, что каждый курсъ продолжался два года), тогда какъ въ семинаріяхъ петерб. и киевскаго округовъ — годы эти были нечетные. Одинъ только семинарскій товарищъ Доб—ва И. Г. Журавлевъ поступилъ въ спб. академію въ 1853 г., гдѣ и окончилъ въ составѣ XXII к. въ 1857 г. (послѣднимъ кандидатомъ 33, за очень плохое, какъ мы слышали, поведеніе). Онъ пріѣхалъ также за годъ до окончанія сем. курса, былъ посланъ въ спб. Академію на казенный счетъ. Вместѣ съ нимъ пріѣхалъ и И. А. Д—въ, во на свой счетъ. По наведеннымъ нами справкамъ у нижегород. его родственниковъ, дѣло было такъ. И. А. стремился собственно въ университетъ, но этого не желалъ его отецъ, а потому онъ избралъ спб. Акад. Пріѣхавъ въ СПБ., остановился на частной квартирѣ, очевидно въ осмотрѣнной нами слободкѣ, а Жур—въ, какъ казеннокоптный, въ акад. зданіи. На квартирѣ „отъ студентовъ“ онъ узналъ, что одновременно (съ 17 авг.) производятся пріемные экзамены въ Педаг. Институтъ, что поступить туда пожалуй даже легче, чѣмъ въ академію, что институтъ есть высшее учебное заведеніе, не хуже университета, съ полнымъ казеннымъ содержаніемъ. Онъ и рѣшился попробовать держать тамъ экзамены. Къ нимъ онъ допущенъ былъ безъ документовъ, а на экзамены въ академію пока не ходилъ, сказавшись больнымъ. По выдержаніи экзаменовъ въ Инст., началь онъ хлопотать о полученіи документовъ изъ академіи. Въ Педагог. Институтъ поступилъ онъ на полное казенное содержаніе, 17-ти только лѣтъ отъ роду.

¹) Къ работамъ по устройству въ СПБ. водопровода, какъ оказывается по наведеннымъ справкамъ, приступили только въ 1859 г., т. е.

въ нашей скромной гостинице считали роскошью давать для чая невскую воду, да еще жильцамъ такого невысокаго полета, какъ бѣдные пріѣзжіе студенты. Другимъ жильцамъ и почетнымъ посѣтителямъ, можетъ быть, ее и давали.

До наступленія экзаменовъ знакомились съ Петербургомъ, съ замѣчательными его зданіями, дворцами, соборами, памятниками, наконецъ улицами и Невою. Запуганные, еще въ Нижнемъ, рассказами о холодной петербургской погодѣ, мы ходили по Петербургу въ шубахъ, даже и въ выпадавшіе тогда ясные, теплые августовскіе дни, такъ что возлѣ Казанского собора обратили на себя вниманіе одного тамошняго священника. Сразу признавъ въ насть пріѣзжихъ семинаристовъ. онъ добродушно посмѣялся надъ нами, а въ заключеніе просилъ бывать у него, чего мы, впрочемъ, почему-то ни разу не сдѣлали. 30 августа, въ день св. Александра Невскаго, любовались необыкновенно пышною процессіею въѣзда всей Царской Фамиліи въ Александро-Невскую Лавру. Изъ Зимняго Дворца, по Невскому проспекту, слѣдовала рядъ золотыхъ каретъ въ сопровожденіи конвоя не только изъ казаковъ, но и изъ осетинъ, абхазцевъ, гурійцевъ и другихъ кавказскихъ народностей, — въ своеобразныхъ одеждахъ, въ металлическихъ шлемахъ и какихъ-то кольчугахъ. Въ золотыхъ каретахъ сидѣли Дамы Императорской Фамиліи и ихъ свита, Государь же Императоръ съ Великими Князьями и свитою слѣдовали на коняхъ. Помнится, такія процессіи въ этотъ день повторялись и въ слѣдующіе два, три года, а потомъ съ наступленіемъ смутнаго времени (польского восстания 1862—1863 г.) прекратились.

Начались наконецъ экзамены. На экзаменъ явилось 67 человѣкъ: 30 присланныхъ на казенный счетъ и 37 волонтеровъ. Такое большое количество волонтеровъ, какъ тогда говорили, было явленіемъ до тѣхъ порь, въ Петербургской Академіи, не бывалымъ. Особенно много было ихъ изъ петербургской семинаріи: кроме 5 казеникоженныхъ (слишкомъ большой процентъ на 30 казеникоженныхъ вакансій для воспитанниковъ всѣхъ другихъ семинарій¹), еще 7 человѣкъ волонтеровъ, такъ что

въ годъ нашего пріѣзда въ Петербургъ. Но первоначальные работы оказались неудачными и водопроводъ былъ перестроенъ въ 60-хъ годахъ. Въ зарѣчныхъ же частяхъ города водопроводъ устроенъ только въ 1874—75 г.

¹⁾ Вѣроятно, это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что тогдашимъ ректоромъ спб. Академіи оказался архим. Нектарій (Надеждинъ),

почти весь первый разрядъ окончившихъ въ спб. семинаріи изъявилъ желаніе поступить въ академію.

Изъ петербуржцевъ обращалъ на себя вниманіе своею бойкостью и говорливостью Н. И. Барсовъ. Изъ иногородныхъ: іером. Владиміръ (Никольскій † еписк. нижегор.)¹⁾ своею солидностью, замѣтательнымъ спокойствіемъ, тактомъ и сравнительно съ нами немолодымъ уже возрастомъ, и М. И. Владиславлевъ († ректоръ спб. университета) своею массивною фигурою, умнымъ лицемъ и циркулировавшими между нами слухами обѣ его выдающихся дарованіяхъ, хотя онъ окончилъ новгородскую семинарію вторымъ студентомъ. Мысленно я тогда же намѣтилъ его въ первенцы нашего курса, въ чемъ и не ошибся²⁾, хотя онъ принять былъ не въ числѣ первыхъ. Онъ не окончилъ академію вмѣстѣ съ нами, а долженъ быть по обстоятельствамъ (см. ниже) оставить ее и перейти въ университетъ.

Экзаменовали насъ по всѣмъ предметамъ, которые мы изучали въ семинаріи, исключая, конечно, сельское хозяйство, естественные науки и медицину. Экзамены происходили въ

только что переведенный (15 мая 1859 г.) изъ ректоровъ спб. семинаріи и потому содѣствовавшій назначенію изъ бывшихъ своихъ воспитанниковъ большаго количества вызываемыхъ на казенный счетъ. А, можетъ быть, это зависѣло отъ того, что духовно-учебное управление хотѣло дать мѣсто большему количеству воспитанниковъ, уроженцевъ нашихъ западныхъ губерній, нарочно вызванныхъ, какъ мы слышали, въ спб. семинарію для окончанія въ ней курса, въ надеждѣ, что они будутъ потомъ, по окончаніи академіи, полезными дѣятелями въ нашемъ Западномъ краѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя, кажется, отрицать у рект. Некоторія изъкотораго радѣнія въ отношеніи къ бывшимъ его воспитанникамъ, что выразилось, какъ увидимъ далѣе, въ занятіи исключительно ими первыхъ шести мѣстъ въ пріемномъ спискѣ.

¹⁾ Василій Степановичъ Никольскій (въ мон. Владиміръ), курскій уроженецъ, род. 1829 г., окончилъ курскую сем. 1851 г., былъ свящ. въ херсонской епархіи, 1857 г. принялъ мѣнешество, слѣдовательно онъ былъ старше каждого изъ насъ лѣтъ на 7, 8 и болѣе. (П. В. Знаменскій—„Истор. казан. акад. т. I, стр. 247).

²⁾ Принять онъ былъ подъ № 8, но черезъ два года, при переходѣ на старшій курсъ, судя по балламъ, онъ долженъ былъ занять первое мѣсто. Составлялись ли тогда списки, до окончанія полнаго академическаго курса, неизвѣстно. Въ архивѣ мы не нашли ихъ. Видѣли только алфавитный списокъ съ отмѣтками балловъ по наукамъ и сочиненіямъ и общій итогъ ихъ по тѣмъ и другимъ за 1859—1861. Списокъ этого писанъ рукою тогдашняго секретаря правл., проф. Е. И. Ловягина.

залъ публичныхъ собранийъ, одновременно по нѣсколькимъ предметамъ, тремъ—четыремъ въ день, и продолжались не менѣе 4 дней. Въ разныхъ мѣстахъ зала поставлены были столы, предъ которыми сидѣли профессоры и баккалавры академіи, преподаватели разныхъ наукъ. За главнымъ столомъ, посрединѣ зала, сидѣлъ ректоръ академіи, тогда еще архим., Нектарій (Надеждинъ), экзаменовавшій по догматическому богословію и пѣкоторымъ другимъ богословскимъ предметамъ.

Пріемные экзамены какъ-то совершенно вышли изъ памяти. Помню экзамены только по двумъ предметамъ—по математикѣ и по русской церковной исторіи. По математикѣ экзаменовалъ Е. И. Ловягинъ, въ то время уже ордн. профессоръ. Отвѣчалъ ему плохо; не умѣлъ решить какой-то нетрудной задачи по алгебрѣ. По русской церковной исторіи экзаменаторомъ былъ баккалавръ М. О. Кояловичъ. Онъ спросилъ меня о Лихудахъ. Отвѣтилъ въ общемъ удовлетворительно, ошибся только въ хронологіи, въ опредѣленій вѣка ихъ жизни. Тутъ-то я вспомнилъ тотъ словарь церковныхъ писателей, который прочелъ въ годъ своего отыха, послѣ окончанія семинарскаго курса, и подумалъ, что могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ, если бы ограничился учебникомъ русской церковной исторіи Муравьевъ, въ которомъ о Лихудахъ не было и помина.

Кромѣ устныхъ экзаменовъ были еще письменные. Задано было памъ написать четыре сочиненія, три—на русскомъ языкѣ (въ томъ числѣ, помнится, одна проповѣдь) и одно—на латинскомъ. Темъ не помню. Помню только одну: Ioan. I, 16—17: и отъ исполненія Его мы все пріяхомъ и благодать возблагодать... Тема эта была дана ректоромъ.

Устные экзамены сошли для меня благополучно. Судя по отмѣткамъ балловъ въ табели и по общему изъ нихъ выводу, мои отвѣты по всѣмъ предметамъ оказались болѣе, чѣмъ удовлетворительными, но за то, чего никогда не бывало со мною ни раньше, ни позже, мои сочиненія, въ которыхъ я всегда былъ сильнѣе, чѣмъ въ устныхъ отвѣтахъ, оказались на сей разъ очень плохими, и по моему собственному сознанію. Зависѣло это отъ того, что во время экзаменовъ, случилось со мною что-то вродѣ первнаго разстройства ¹⁾, которое мѣшало

¹⁾ Причинъ первнаго разстройства было много: кромѣ природной нервности, слишкомъ долгое, въ течепіе цѣлаго года, ожиданіе экзамена,

мнѣ сосредоточивать свое вниманіе на темахъ и спокойно развивать и излагать приходящія въ голову мысли, вмѣсто чего я нервничалъ и думалъ не о предметѣ сочиненія, а о своемъ душевномъ состояніи и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ хуже себя чувствовалъ¹⁾). Словомъ, мнѣ слѣдовало полечиться, а не держать экзамены. Между тѣмъ, какъ оказалось потомъ, при приемѣ въ академію, принимались во вниманіе главнымъ образомъ сочиненія. Результатомъ было то, что меня приняли въ академію на казенное содержаніе въ числѣ послѣднихъ по списку. Судьбу мою, впрочемъ, раздѣлилъ и Т. В. Барсовъ, присланный на казенный счетъ изъ смоленской семинаріи, окончившій въ нашемъ ХХV курсѣ первымъ магистромъ и, какъ увидимъ далѣе, счастливый мой конкурентъ на бакалаврство при С.-Петербургской Академіи, по окончаніи въ ней курса. Онъ также принять былъ очень низко по списку, недалеко отъ меня. О. Г. Елеонскій принять былъ, сравнительно съ нами, очень высоко. Какъ человѣкъ совсѣмъ другого темперамента, спокойнаго, ровнаго характера, да и болѣе крѣпкаго, чѣмъ мое здоровье, онъ цаписалъ сочиненіе гораздо лучше, чѣмъ я, почему и принять гораздо выше²⁾).

совершенная новость обстановки, въ соединеніи съ непривычнымъ житьемъ въ гостиницѣ и плохимъ питаніемъ, холодная официальность Петербурга, а главное—опасеніе не удовлетворить ожиданіямъ родной семинаріи, которая привыкла къ блестящему приему своихъ воспитанниковъ во всѣхъ академіяхъ и въ особенности казанской, въ которой воспитанники нижегор. семинаріи принимаемы были по экзаменскимъ спискамъ по большей части подъ первыми №№, какъ было и съ моими товарищами (Хитровскимъ и Рожанскимъ), за которыхъ получена была семинарію даже благодарность отъ академіи, въ прошломъ 1858 г., что было тогда мнѣ уже известно.

¹⁾ Въ особенности почувствовалъ себя плохо и былъ близокъ даже къ обмороку во время составленія одного изъ сочиненій, которымъ мы писали въ залѣ академіи. Этотъ случай сдѣлалъ для меня памятнымъ и мѣсто, гдѣ мы писали сочиненія, подъ наблюденіемъ тогдашняго помощника инспектора, бакалавра И. Ф. Нильского. Кстати, мы приняли его тогда за профессора, довольно уже долго прослужившаго въ академіи,—благодаря его солидной, немоложавой наружности и важной осанкѣ. Между тѣмъ онъ былъ тогда младшимъ изъ бакалавровъ, только 2 года тому назадъ окончившимъ курсъ академіи (1857 г.).

²⁾ О. Г. Ел—ій принялъ подъ № 16, Т. В. Барсовъ подъ № 33, я подъ № 39. Что принимали во вниманіе главнымъ образомъ баллы, полученные по сочиненіямъ, вотъ несомнѣнное тому доказательство. Общий баллъ, по устнымъ отвѣтамъ и сочиненіямъ, былъ у А. Катанскаго

Первые шесть мѣстъ въ приемномъ спискѣ, къ нашему удивленію, заняли исключительно воспитанники с.-петербургской семинаріи¹⁾. Четверо изъ присланныхъ различными семинаріями на казенный счетъ не были приняты на казенное содержаніе.

Нашъ курсъ въ началѣ былъ очень большой. Кроме принятыхъ на казенное содержаніе, у насъ, едва ли не въ первый разъ въ исторіи академіи, явились въ большомъ количествѣ своекоштные студенты. Къ концу первого учебнаго года 1859—1860 ихъ было 13 человѣкъ²⁾, да еще 7 вольнослушателей изъ бурятъ, воспитанниковъ иркутской семинаріи, присланныхъ въ Петербургъ для изученія монгольскаго языка, съ тѣмъ, чтобы они, въ свободное отъ занятій монгольскимъ языккомъ время, слушали академическія лекціи въ качествѣ

$177\frac{1}{2}$, у Ф. Г. Елеонскаго $176\frac{1}{2}$, у Т. В. Барсова $169\frac{1}{2}$. По сочиненіямъ же Ф. Г. Ел. имѣлъ, противъ меня, больше на 5 бал., противъ Т. В. Б.—на $3\frac{1}{2}$. Отсюда и вышла такая громадная разница въ мѣстахъ, которая мы заняли въ спискѣ. Система тогда была десяти-бальная: 10 былъ высшій балъ.

) Вотъ эти первые шесть студентовъ: казенновокштные — Николай Барсовъ, Константинъ Нѣмшевичъ, Діомидъ Пѣтуховичъ, Василій Поповъ, Михаилъ Родевичъ, Флоръ Абрамовичъ (волонтеръ). Изъ нихъ академической курсъ окончили только двое: Н. И. Барсовъ (3-й маг.) и В. Е. Поповъ (28-й канд. нашего ХХV курса, сынъ извѣстнаго прот. Е. И. Попова, настоятеля нашей посольской церкви въ Лондонѣ). Изъ остальныхъ 4-хъ К. Нѣмшевичъ, наиболѣе даровитый изъ всѣхъ петербуржцевъ, и М. Родевичъ перешли въ университетъ, Д. Пѣтуховичъ, поражавшій насъ необыкновеннымъ трудолюбиемъ при писаніи сочиненій (около него обыкновенно лежали груды исписанной бумаги), вдругъ, въ концѣ учебнаго года, совершенно неожиданно, куда-то изчезъ и очутился, какъ мы слышали, въ какой-то загадочной обстановкѣ, не имѣвшей, впрочемъ, ничего общаго съ увлеченіями политикую. Ф. Абрамовичъ долженъ быть оставить академію, вслѣдствіе исторіи 4 окт. 1861 г., случившейся сряду по переходѣ въ старшій курсъ (объ этой очень тяжелой исторіи сказано будетъ далѣе).

) Изъ нихъ огромное большинство (за исключеніемъ 3—4 человѣкъ) заняли потомъ казенновокштныя вакансіи, по мѣрѣ ихъ освобожденія. Выдающимся изъ такихъ своекоштныхъ былъ И. Я. Образцовъ, окончившій курсъ 6-мъ магистромъ († членъ Учеб. Комит. при Св. Синодѣ, проф. Спб. Истор.-филол. Института и наст. Вознесенской ц. въ Петерб.). Быть въ числѣ ихъ и А. А. Опоцкій (нынѣ архіеписк. Алексій, членъ Св. Синода, бывшій экзархъ Грузіи, еще адваструющей), посланный изъ псковской семинаріи на казенный счетъ, но не попавшій въ число казенновокштныхъ. Своекоштные въ большинствѣ были петербуржцы (6 человѣкъ).

вольнослушателей¹⁾). Такъ что всего, съ вольнослушателями, было въ нашемъ ХХV курсѣ 61 человѣкъ—къ концу, по крайней мѣрѣ 1859—60, первого учебнаго года.

По окончаніи пріемныхъ экзаменовъ и послѣ объявленія ихъ результата, мое унылое, угнетенное состояніе еще продолжалось. Въ такомъ настроеніи прихожу въ комнату окончившихъ въ этомъ году академическій ХХІІІ курсъ (1855—1859) къ своему земляку Изм. Фед. Спасскому († прот. Охтенской кладб. церкви въ СПБ.) и встрѣчаю тутъ С. Н. Автократова, по общему признанію, самаго даровитаго студента этого курса, занимавшаго первое мѣсто въ спискѣ, но окончившаго кандидатомъ. Видя мое унылое лицо и узнавъ о причинѣ такого моего настроенія, онъ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: «ну, значитъ, несомнѣнно вы кончите магистромъ». Вѣроятно, такие случаи бывали, а можетъ быть онъ вспомнилъ свою собственную судьбу, въ связи съ изреченіемъ

¹⁾ Вотъ эти воспитанники: Григ. Пощовъ. Евгр. Писаревъ. Василій Карелинъ, Мих. Митропольскій, окончившіе курсъ иркутской сем. и за годъ до нашего поступленія въ академію помѣщенные (въ 1858 г.) въ ней, затѣмъ—Антонъ Карелинъ, Вас. Миротворцевъ и Иннок. Корнаковъ, доканчивавшіе семинарскій курсъ, съ 1858 г., въ сцб. семинаріи и по окончаніи его, вмѣстѣ съ нами поступившіе, въ 1859 г., въ нашу академію, въ качествѣ вольнослушателей. Мы считали принадлежавшими къ нашему курсу только этихъ послѣднихъ трехъ. Почему къ списку нашего курса присоединены и первые 4? Вѣроятно, для удобства, чтобы не разбивать этой группы на двѣ половины. Изъ послѣднихъ 3-хъ иркутцевъ двое: В. Миротворцевъ и Авт. Карелинъ, по выдержанію въ семинаріи экзамена на званіе студента, въ 1860 г. помѣщены въ число дѣйствительныхъ студентовъ академіи, прочие же 5, изъ числа всѣхъ 7 иркутскихъ воспитанниковъ, уволены въ 1861 г. въ иркутскую епархію. Полный академическій курсъ окончилъ съ нами только одинъ В. В. Миротворцевъ, бывшій потомъ баккалавромъ казанской академіи, экстр. проф. и даже инспекторомъ. Для преподаванія монгольского языка ходили къ намъ въ академію профессоры сцб. университета съ восточного факультета (см. подробн. у И. А. Чистовича—„Исторія Спб. дух. Акад. 1858—1888 стр. 71—72). Эти сибиряки сильно защищали свою Сибирь отъ нашихъ нападковъ, утверждая, что настоящая Сибирь, въ смыслѣ каторжной жизни, не у нихъ, а у насъ въ Петербургѣ, что у нихъ въ Иркутскѣ, при 40 град. мороза чувствуется гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, при 2—3 град., да и жизнь несравненно привольнѣе и дешевле. И дѣйствительно, видѣ ихъ, сначала цвѣтующихъ здоровьемъ, а потомъ все болѣе и болѣе блѣдающіхъ, худѣющихъ и хирѣющихъ, вполнѣ подтверждалъ ихъ слова.

Писанія: «и будуть послѣдніе первыми и первые послѣдними»¹⁾.

Изъ своей плохенькой гостиницы переселились мы наконецъ въ академическое зданіе, и распредѣлили насъ по комнатаамъ, подчинивъ надзору «старшаго» въ каждой комнатѣ, изъ студентовъ старшаго курса. Меня помѣстили подъ начальство студ. Ивана Дмитріевича Касаткина († архіеп. Николай Японскій)²⁾, человѣка въ то время очень замкнутаго, необщительнаго и потому не пользовавшагося нашими симпатіями³⁾ и я очутился въ самой крайней къ Обводному каналу комнатѣ средняго этажа. Изъ своихъ сожителей по этой комнатѣ помню М. И. Владиславлева, поражавшаго насъ тѣмъ, что онъ читалъ въ подлинникѣ Илліаду Гомера, и Д. Пѣ-

¹⁾ С. П. Автократовъ, цицен., 17-й канд., съ правомъ на степ. магистра по представл. новаго соч. и по выслугѣ 1 года на дух. учили. службѣ. Вѣроятно, онъ былъ замѣшанъ въ студенческихъ беспорядкахъ, бывшихъ при инспекторѣ Викторинѣ (Любимовѣ, 1857—1858) и повлекшихъ за собою исключеніе „6-ти главныхъ ихъ виновниковъ“ (см. у Чистов. „Ист. акад.“ стр. 74). С. П. Ав—въ былъ потомъ препод. новгор. сем., командированъ Мин. Нар. Пресв. (вѣроятно въ 1862 г.) заграницу для приготовленія къ профессурѣ по философіи въ университетѣ, два года пробылъ заграницей, но, какъ слышно было, занимался тамъ несобственно усердно, на каѳедру въ университетѣ не попалъ. Въ непроложительномъ послѣ того времени скончался.

²⁾ Ив. Дм. Касаткинъ, смоленск. урож., въ 1860 г., 8 іюня, за годъ до окончанія полнаго академического курса, постриженъ ректоромъ пр. Нектаріемъ въ монахи и тотчасъ же отправился въ Японію. Единственный разъ въ жизни я видѣлъ постриженіе въ монахи и именно моего „старшаго“. Подаль ли онъ потомъ сочиненіе на ученую степень и получилъ ли ее, неизвѣстно. Въ „истор. акад.“ И. А. Чистов. онъ значится подъ рубрикою: „съ званіемъ студента акад., съ правомъ на степ. кандидата“, среди другихъ 10 чл. Изъ нихъ о 5-ти замѣчено, что они удостоены въ разное время степ. кандидата. Объ іером. же Николаѣ Касаткинѣ ничего не сказано, хотя всѣ его труды до 1880 г., когда онъ посвященъ во епископа, перечислены. По всей вѣроятности, увлеченный своими великими миссионерскими трудами, онъ не удосужился составить сочиненіе на ученую степень, да это едва ли и возможно было сдѣлать, въ Японіи, при отсутствіи нужныхъ для того книгъ и библіотекъ.

³⁾ Впослѣдствіи, когда я уже былъ бакалавромъ Спб. Академіи, мы видѣлись, онъ былъ у меня даже на квартирѣ, и меня поразила громадная въ немъ перемѣна. Онъ оказался въ высшей степени живымъ, общительнымъ, разговорчивымъ, словомъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Вѣроятно, въ тотъ годъ, когда мы жили вмѣстѣ, его нелюдимость объяснялась тѣмъ, что въ его душѣ зрѣла мысль о коренномъ переворотѣ въ его жизни.

туховича, истреблявшаго неимовѣрное количество бумаги на писанье сочиненій; вокругъ него лежали груды исписанныхъ листовъ (см. выше стр. 593, прим. 1). На другой годъ моего ученья въ младшемъ курсѣ меня перевели въ одну изъ среднихъ комнатъ подъ старшинство И. И. Демкина (4-й маг. XXIV к., до сихъ поръ состоящій на службѣ, прот. спб. Благовѣщенской церкви, отецъ извѣстнаго тов. спб. городского головы Демкина).

Всѣ (за исключеніемъ двухъ) жилыя комнаты студентовъ обоихъ курсовъ, старшаго и младшаго, были проходныя¹⁾ и помѣщались въ среднемъ этажѣ, на лѣвой сторонѣ отъ параллельного входа, въ верхнемъ же этажѣ, на той же сторонѣ, находились спальни, также для обоихъ курсовъ и были также всѣ проходныя—отъ одного конца до другого.

На другой сторонѣ,—правой отъ параллельного входа,—помѣщались: въ нижнемъ этажѣ — квартира инспектора (тамъ же, гдѣ и теперь), эконома и одна профессорская (въ наше время—В. И. Долоцкаго), библиотека рукописей изъ Софійской библ. (гдѣ теперь зало совѣта и канцелярія); въ среднемъ этажѣ — квартира ректора, одна изъ баккалаврскихъ квартиръ и физической кабинетъ (противъ конца ректорской квартиры, съ окнами на дворъ); въ верхнемъ этажѣ — три баккалаврскихъ квартиры и помѣщеніе правленія (надъ физическимъ кабинетомъ).

Въ каждой жилой студенческой комнатѣ (исключая одной маленькой) стояло два стола для 6 студентовъ на каждый, затѣмъ кромѣ стульевъ, диванъ, а въ нѣкоторыхъ комнатахъ два, и два шкафа, для книгъ и для платья. Все это изъ ясеневаго дерева. Стѣны были окрашены kleевою краскою голубовато-зеленоватаго цвѣта. На второй годъ, впрочемъ, стѣны были оклеены коричневаго цвѣта обоями. Для занятій вечеромъ давали свѣчи (сначала сальныя, а потомъ появились и такъ называемыя «пальмовыя» — низшій сортъ стеариновыхъ), по

¹⁾ Двѣ только жилыя комнаты не были проходными, были, такъ сказать, особняками, вѣѣ связи со всѣми другими студенческими жилыми комнатами,—одна въ среднемъ этажѣ, другая въ верхнемъ; обѣ нальво по коридору среднему (противъ остальныхъ занятыхъ комнатъ) и верхнему (противъ спаленъ). Въ одной изъ этихъ комнатъ поселился Ф. Г. Ел—скій, подъ „старшинствомъ“ сначала Ив. Ал. Горскаго (8 маг. XXIV к., псковск., † прот. Колом.-Покров. ц. въ СПБ.), а потомъ В. Г. Пѣвцова (1-й маг. XXIV к., тверск., † проф. Учит. Правовѣд. въ СПБ.).

двѣ на столъ. Въ спальняхъ кровати были съ надписями фамилій студентовъ надъ каждой кроватю и съ приличными приборами. Въ каждой спальниѣ былъ ночникъ, въ видѣ большого желѣзного подсвѣчника, стоявшаго на полу, съ водою внутри, въ которую опускалась сальная свѣча.

Младшій курсъ—18^{59/60} и 18^{60/61} учебные годы.

Начались въ сентябрѣ 1859 г. лекціи.

Тогда въ академіяхъ было не четыре курса, какъ теперь, а только два, старшій и младшій, по два года въ каждомъ. А потому и классныхъ комнать, или аудиторій, какъ мы ихъ называли, было только двѣ, находившіяся по бокамъ церкви,—съ правой стороны отъ нея—для старшаго курса. съ лѣвой—для младшаго.

Лекціи начинались съ 9 часовъ утра и продолжались до 1^{3/4} часа дня и затѣмъ отъ 3 до 4 часовъ. Читалась каждая лекція 1^{1/4} часъ.

На младшемъ курсѣ преподавались: логика, психологія, исторія философіи, словесность, гражданскія исторія общая, гражданскія исторія русская, математика, физика и изъ богословскихъ предметовъ Св. Писаніе и патристика ¹⁾). Изъ языковъ греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій—обязательные для всѣхъ студентовъ и англійскій—необязательный.

Логику, психологію и исторію новѣйшей философіи, начиная съ Канта, читалъ В. Н. Карповъ ¹⁾), старшій изъ

¹⁾ Очень сожалѣю, что не сохранилась у меня масса литографированныхъ лекцій, намъ выдаваемыхъ къ репетиціямъ и экзаменамъ, какъ въ этомъ курсѣ, такъ и въ слѣдующемъ, старшемъ. Нѣкоторыми изъ біографическихъ, въ особенности хронологическихъ данныхъ относительно нашихъ бывшихъ наставниковъ мы обязаны весьма почтенному, достойноувѣнчанному уваровскою премію, труду А. С. Родосского „Біографический Словарь студ. первыхъ XXVII курсовъ Спб. духовной Академіи 1814—1869 гг. СПБ. 1907“. Исторіи академій, въ особенности нашей С.-Петербургской (два тома, 1857 и 1889 гг.) были для меня также весьма важными пособіями.

²⁾ Василій Николаевичъ Карповъ, воронеж., 5-й магистръ II к. (1825 г.) кіевской академіи, съ 1825 до 1829 г. былъ, вѣроятно, препод. семинаріи, 1829—бакк. франц. языка въ кіев. акад., 1831—бакк. философіи въ той же акад., 1833—бакк. филос. спб. акад., 1835—орд. профес., преемникъ также знаменитаго Ф. Ф. Сидонскаго (2-й маг. VIII к., 1829 г., спб. акад. † 1873 г.), который, оставилъ каѳ. философіи, съ 1833 до 1835 г. преподав. только франц. языкъ.

всѣхъ тогдашнихъ профессоровъ Пет. Академіи, пріобрѣтшій уже большой авторитетъ въ ученомъ мірѣ, не только въ духовномъ, по и свѣтскомъ, преимущественно своимъ переводомъ твореній Платона. Въ выходившихъ тогда сочиненіяхъ Бѣлинскаго мы прочитали восторженный его отзывъ объ этомъ замѣчательномъ трудѣ нашего профессора. Помнится, знаменитый критикъ писалъ, что этотъ трудъ сдѣлалъ бы честь даже Академіи Наукъ въ ея цѣломъ; тѣмъ выше предъ наукою заслуга ученаго, который одинъ совершилъ колоссальную работу. Логику В. Н. читалъ по печатной своей книгѣ, посвящающей этому предмету сравнительно немного времени, дѣлая только добавленія къ напечатанному. Психологіи онъ посвящалъ больше вниманія и времени. Всю душевную жизнь и дѣятельность онъ дѣлилъ на три отдеіла: чувственную, разсудочную или формальную и созерцательную или идеальную. Въ особенности останавливался онъ на второй,—разсудочной, характеризуя ее какъ крайне неустойчивую, лишенную всякой самостоятельности, управляемую стремленіями или низшей или высшей природы человѣка, способную доказывать и оправдывать все, что угодно. Къ этой сторонѣ душевной жизни онъ не питалъ никакой симпатіи; все его чувство было направлено къ третьей—созерцательной, идеальной. Въ сущности (какъ становится яснымъ теперь, тогда это не сознавалось), В. Н. въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ примыкалъ къ богословскому взгляду на составъ человѣка, трехчастный: тѣлесный, душевный и духовный. Много глубокихъ мыслей высказывалъ онъ въ своихъ членіяхъ, поясняя свои положенія наблюденіями изъ обыденной, даже своей семейной жизни, что онъ особенно любилъ. Къ сожалѣнію, онъ не обладалъ даромъ слова, къ тому же былъ преклоннаго возраста и утомленъ многочисленными работами своей трудовой жизни¹⁾ и потому въ наше время не пользовался такимъ вниманіемъ своихъ слушателей, какого онъ заслуживалъ. Впрочемъ, и у насъ были особые его почита-

¹⁾ Онъ посвящалъ въ наше время, какъ слышно было, много труда, между прочимъ, журналу „Странникъ“, издаваемому тогда прот. В. В. Гречулевичемъ. Говорили, что В. Н. не только писалъ для этого журнала много статей, но участвовалъ и въ его редактированіи, и что вообще издатель „Странника“ немало эксплоатировалъ нашего почтенаго профессора. В. Н., какъ семейный человѣкъ, нуждался въ добавочныхъ къ профессорскому жалованью (858 р. орд. проф.) средствахъ.

тели ¹⁾). Практическую мудрость этого истинно русского, христиански-православно настроенного философа мы тогда не въ состоянии были оценить по достоинству. Мы любили и уважали его не столько какъ профессора, столько какъ почтенного лѣтамъ и заслугами ученаго, какъ человѣка симпатичнаго, благороднаго характера, относившагося къ молодежи съ добродушiemъ мудраго старца, снисходительно къ ея увлечениямъ и слабымъ сторонамъ ²⁾). Лекціи по новѣйшей исторіи философіи В. Н. читалъ по своимъ запискамъ, которые въ сокращенномъ видѣ сдавалъ къ экзаменамъ. Но и эти лекціи, написанныя не совсѣмъ легкимъ и яснымъ языкомъ, не особенно намъ нравились. Ихъ трудно было усвоять, такъ какъ они состояли изъ одного критического разбора положений Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, безъ предварительного изложенія полной системы возврѣній этихъ философовъ. Вслѣдствіе чего студенты очень боялись экзамена по этому предмету, и когда лѣтомъ 1861 г.. въ присутствіи митрополита, наступилъ этотъ экзаменъ, то между студентами началась чистая паника (см. ниже).

Исторію древней философіи до Канта читаль намъ профессоръ (экстр. или ordin.) И. А. Чистовичъ ³⁾. Прекрасный вообще говоря, даровитый профессоръ, онъ не былъ прирожденнымъ философомъ, а потому хотя лекціи его отличались точностью и всесторонностью изложенія возврѣній древнихъ философовъ, но были какъ-то холодны. Мы слушали его внимательно и цѣнили его даровитость, но особенной любви къ философскимъ вопросамъ возбудить въ насъ онъ не могъ. И неудивительно, такъ какъ, по складу своего ума, онъ долженъ бы быть историкомъ гражданской или церковной исторіи. Въ этой области онъ и заявилъ себя очень многими замѣчательными трудами (напр. «Ѳеофанъ Прокоповичъ» и многіе другіе). На каѳедру русской гражданской и церков-

¹⁾ Усердно записывали его лекціи и спорили съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые недостаточно высоко цѣнили В. Н. Особенно горячимъ его поклонникомъ былъ М. В. Родевичъ, перешедшій потомъ въ спб. университетъ и служащий нынѣ въ департ. Мин. Нар. Просв.

²⁾ У В. Н. Карпова была одна особенность: онъ плохо запоминалъ фамиліи. По этому поводу между студентами ходило много анекдотовъ, забавныхъ разсказовъ.

³⁾ Илларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ, калуж., 2-й маг. XIX кур. спб. акад. (1851).

ной исторіи онъ назначенъ былъ виначалъ, по окончаніи академического курса въ 1851 г., и уже потомъ, послѣ отставки А. А. Фишера¹⁾, въ 1853 г., переведенъ на кафедру философіи. Слышно было, что виначалъ И. А. читалъ, вмѣстѣ съ исторіей философіи, и психологію, придерживаясь воззрѣній извѣстнаго нѣмецкаго философа Бенеке, но во время ректорства архим. Феофана (Говорова, 1857—1859 г., извѣстнаго потомъ вышенскаго затворника), которому не нравилась эта система воззрѣній (теорія «слѣдовъ», которой объяснялось происхожденіе душевныхъ силъ), психологія была передана В. Н. Карпову, а И. А. Чистовичъ оставленъ былъ при одной исторіи философіи до Канта, какъ это было въ пашь курсъ²⁾). По своему характеру И. А. представлялъ во многихъ отношеніяхъ противоположность В. Н. Карпову. Главною его чертою была официальность, при полной корректности его отношеній къ студентамъ. Мы застали его еще живущимъ въ академическомъ зданіи (почему-то на студенческой половинѣ, въ нижнемъ этажѣ; вѣроятно потому, что незадолго предъ тѣмъ онъ былъ помощникомъ инспектора). Но вскорѣ, уже осенью того же 1859 г., онъ переселился въ городъ, такъ какъ вступилъ въ бракъ (съ дочерью протопресвитера В. Б. Бажанова, члена Св. Синода).

Словесность читалъ ординарный профессоръ К. Ив. Лучинскій³⁾. Очень живой, краснорѣчивый, искусно соединявшій чтеніе написанныхъ лекцій съ живымъ словомъ и импровизаціею, увлекалъ насъ своими чтеніями по аналитикѣ языка (философской грамматикѣ) и особенно по эстетикѣ. Въ лекціяхъ по этой послѣдней онъ сначала много занимался разборомъ различныхъ мнѣній о томъ, что такое изящное, эстетически прекрасное, а потомъ далъ собственное свое опредѣленіе. Точной его формулы не могу припомнить. Помнится

¹⁾ А. А. Фишеръ, иностранецъ, съ 1832 г. орд. проф. спб. унів., съ 1843 г. орд. проф. спб. акад. См. въ „Ист. спб. ак.“ И. А. Чист. стр. 53.

²⁾ Въ его „Истор. СПБ. Акад. 1858—1888 г.“ стр. 52—54 какъ-то очень неясно и даже, намъ кажется, фактически не совсѣмъ точно передана исторія перехода психологіи изъ однѣхъ рукъ въ другія, если только тутъ не быть корректурной ошибки въ цифре года 1859 (стр. 53). То же можно сказать отчасти и объ исторіи новой философіи—съ Кантомъ.

³⁾ Кириллъ Ивановичъ Лучинскій, изъ волынск. сем., род. 1815 г., 1-й магистръ XIII к. (1839) спб. акад., въ 1851 г. экстраорд., а въ 1852 г. уже ордин. профессоръ.

только основная его мысль, что прекрасное не находится въ зависимости отъ формъ, что не формы даютъ ему бытіе, что прекрасное тѣсно связано съ проявленіями жизни, съ ея напряженностью, что гдѣ нѣтъ жизни, тамъ не можетъ быть и прекраснаго. Исторію литературы онъ занимался мало, чтеній по этому отдѣлу словесности не припоминается. Помнится только, что по исторіи литературы онъ сдавалъ литографированныя лекціи къ репетиціямъ и экзаменамъ. К. И. былъ превосходный, неподражаемый критикъ нашихъ словесныхъ произведеній. Ему подавали мы назначаемыя намъ проповѣди и онъ подвергалъ ихъ своей остроумной, беспощадной критикѣ. Для этого онъ избиралъ одну изъ нашихъ проповѣдей и подвергалъ ее слѣдующей безжалостной операциѣ: давалъ, подробный анализъ всей проповѣди, а потомъ каждой ея части и наконецъ отдѣльныхъ фразъ и выражений. Въ высшей степени было интересно и поучительно слушать критической его разборъ, и мы положительно любовались въ это время своимъ профессоромъ. Даже самъ авторъ разбираемой проповѣди, съ горечью въ душѣ, принужденъ былъ отдать должное острому и справедливости замѣчаній критика и готовъ былъ почти наслаждаться художественностью работы профессора. К. И. Іучицкій читалъ текціи по словесности еще въ Смольномъ Институтѣ и въ Царскосельскомъ женскомъ духовномъ училищѣ. Онъ очень часто являлся къ намъ съ орденомъ св. Анны 2 ст. на шеѣ (чего никто изъ его коллегъ не дѣлалъ). Вѣроятно, причиною такой офиціальности его костюма былъ Смольный Институтъ, изъ которого онъ прѣѣзжалъ къ намъ на лекцію, или въ который онъ долженъ былъ отправиться послѣ чтенія у насъ. Характера онъ былъ хотя строгаго, но благороднаго, держалъ себя довольно далеко отъ студентовъ, но доброжелательно къ нимъ, пользовался ихъ уваженіемъ и даже любовию, хотя его побаивались болѣе, чѣмъ другихъ профессоровъ на этомъ курсѣ.

Общую гражданскую исторію преподавалъ молодой тогда баккалавръ А. И. Предтеченскій ¹⁾, очень живой, краснорѣчивый, хотя читалъ по составленнымъ имъ лекціямъ, прекрасный знатокъ новѣйшихъ языковъ, въ особенности англійскаго. Пользуясь преимущественно англійскою литературою

¹⁾ Андрей Ивановичъ Предтеченскій, новгород., 2-й магистръ XXI к. (1855) спб. акад., съ 1862 г. экстр. орд. профессоръ.

по исторіи древняго міра, Ассиріи, Египта, онъ въ особенности долго останавливался на исторіи древней Греціи и въ частности на вѣкѣ Перикла. Его лекціи были обильны картиными описаціями и хорошо знакомили пась съ античнымъ міромъ. Вообще онъ былъ очарованъ этимъ міромъ, что сказывалось даже въ домашней его жизни, въ квартирѣ, обставленной статуями и картинами. Недаромъ, внослѣдствіи, когда онъ былъ редакторомъ «Церковнаго Вѣстника» (1875—1880 г.), онъ энергически отстаивалъ классицизмъ гр. Д. А. Толстого противъ ожесточенныхъ на него нападковъ со стороны печати и общества. По исторіи среднихъ вѣковъ и по исторіи нового времени чтеній было мало, по крайней мѣрѣ не припоминается. А. И. Предтеченскій былъ довольно замѣчательный публицистъ. Уже и тогда, въ раннее время своей службы, онъ сотрудничалъ въ журналахъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. Между прочимъ, онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», изд. Трубниковымъ. Относились мы къ этому даровитому баккалавру не безъ симпатіи и не безъ уваженія, хотя подчасъ и подсмѣшивались надъ нѣкоторыми его слабостями. А. И. Пр. былъ человѣкъ богато одаренной, широкой русской, увлекающейся, страстной натуры. Онъ держалъ себя очень близко къ студентамъ; многіе изъ товарищѣй, въ особенности его земляки новгородцы, ходили къ нему въ его баккалаврскую квартиру, находившуюся въ академическомъ зданіи. Тѣмъ удивительнѣе и непонятнѣе для насъ было, когда, по переходѣ нашемъ въ старшій курсъ (1861 г.), онъ позволилъ себѣ сдѣлать тотъ шагъ, который, какъ увидимъ далѣе, имѣлъ роковыя послѣдствія для всего нашего XXV курса...

Русскую гражданскую исторію преподавалъ также молодой баккалавръ, товарищъ по студенчеству А. И. Пр—го, М. О. Кояловичъ¹⁾, превосходный профессоръ, обладавшій замѣчательнымъ даромъ слова и историко-философскимъ складомъ ума. Въ своихъ чтеніяхъ онъ задавался не изложеніемъ фактическаго матеріала, а освѣщеніемъ его, изображеніемъ народныхъ и общественныхъ движеній и историческихъ дѣятелей,

¹⁾ Михаилъ Осиновичъ Кояловичъ, грднен. урож., виленской сем., 6-й маг. ХХІ к. (1855) спб. акад., съ 1855 по май 1856 прецод. въ рижск. и с.-петербургск. семинарияхъ, съ 1856 г. въ спб. акад. баккал. по сравн. богосл. и раск., съ 1857 г.—ло русск. гражд. и церк. исторіи. См. „Біограф. Слов.“ А. С. Родосского стр. 214—215.

вынуждаемыхъ проявлять свою дѣятельность такъ или иначе, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ времени и общественныхъ потребностей и течений. Обладая превосходною дикціею и при этомъ еще изящными манерами, онъ производилъ на своихъ слушателей очень сильное впечатлѣніе. Было, впрочемъ, нѣсколько моихъ товарищъ (такихъ, однако, было немногого), которые желали бы, чтобы въ его лекціяхъ было побольше фактическаго матеріала. Во всякомъ случаѣ, едва ли какого другаго профессора на младшемъ курсѣ мы слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, чѣмъ М. О. Ко—ча. Онъ уже и тогда былъ извѣстенъ не только какъ талантливый профессоръ, но и какъ ученый по западно-русской исторіи («Литовская церковная упія. СПБ. 1858» и др. соч.). Характера онъ былъ очень благороднаго, симпатичнаго, весьма твердаго и устойчиваго въ своихъ принципахъ.

Математику преподавалъ ординарный профессоръ Е. И. Ловячинъ¹⁾, специалистъ собственно по греческому языку, который онъ преподавалъ въ академії первыя 6 лѣтъ своей службы (1847—1853 г.), на каѳедрѣ математики съ 1853 г. до 1869 г., а потомъ по упраздненіи этого предмета, съ уставомъ 1869 г., снова профессоръ греческаго языка до конца своей службы, въ 1894 г. (около 25 лѣтъ). Математика не была призваніемъ²⁾ этого достопочтенного профессора, а потому хотя онъ добросовѣстно исполнялъ обязанности преподавателя этого предмета, какъ вообще всѣ свои и другія служебныя обязанности, отличаясь необыкновенною аккуратностью и замѣчательною исполнительностью, не могъ однако возбудить въ насъ любви къ математикѣ. Знающихъ этотъ предметъ почти

¹⁾ Евграфъ Ивановичъ Ловягинъ, тверск., 1-й маг. XVII к. (1847 г.) спб. акад.

²⁾ Тогда былъ обычай переводить баккалавровъ съ одного предмета на другой, въ видахъ, между прочимъ, повышенія людей даровитыхъ по службѣ. Къ однѣмъ каѳедрамъ были пріурочены ординатуры, къ другимъ нѣть, или же вакансія ордин. профессора была занята. По языкамъ ординатуры не полагалось. Между тѣмъ, по физико-математическимъ предметамъ она была; ее до 1852 г. занималъ извѣстный профессоръ-публицистъ Д. И. Ростиславовъ (3-й маг. X к. 1839 г. спб. акад.) Въ 1852 г. онъ оставилъ службу при академіи и вотъ мы видимъ что въ 1853 г. переводятъ Е. И. Ловягина на математику. Нѣть никакого сомнѣнія, что его переводъ состоялся въ цѣляхъ предоставить ему вакансію ордин. профессора, которымъ онъ и былъ сдѣланъ черезъ 4 года, въ 1857 году.

не было между нами, за единственнымъ, кажется, исключениемъ земляка Е. И., Н. Г. Благовѣщенскаго, который, имъ отъ природы математическія способности, зналъ и любилъ этотъ предметъ и не оставлялъ занятій имъ даже въ отставкѣ, до конца своей жизни.

Если математикой мы занимались и интересовались мало, то физику, напротивъ, любили и интересовались ею, чemu очень способствовалъ преподаватель ея, сначала баккалавръ, а съ 1860 г. экстраорд. проф. Н. И. Глоріантовъ¹⁾. Онъ былъ страстный любитель своего предмета, обладалъ хорошимъ даромъ слова, всегда говорилъ, а не читалъ свои лекціи, оживляя ихъ многочисленными опытами и остроумными замѣчаніями, часто приглашалъ своихъ слушателей въ свой физической кабинетъ, обѣ увеличеніи которого физическими приборами усиленно хлопоталъ, и радовался, когда это ему удавалось. Такъ, напримѣръ, мы были свидѣтелями его восторга, когда, послѣ долгихъ хлопотъ, онъ могъ пріобрѣсти для электрическихъ эффектныхъ опытовъ довольно дорого стоющій инструментъ, спираль Румкорфа. Любилъ онъ приглашать въ свой физической кабинетъ и постороннихъ лицъ, своихъ гостей или гостей своихъ сослуживцевъ. Занимался онъ и фотографіею, что тогда не было въ такой модѣ, какъ теперь; имѣль свою собственную фотографическую камеру со всѣми къ ней приборами. Пользовался большимъ расположениемъ студентовъ, къ которымъ стноился съ свойственною ему простотою и добродушіемъ. Мы съ є. Г. Ел., какъ его земляки, пользовались его гостепріимствомъ, а нерѣдко и угощеніемъ чаемъ и разными лакомствами, которыя были у него всегда въ запасѣ, такъ какъ онъ и самъ былъ очень къ нимъ неравнодушенъ.

Св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта преподавалъ ordinary профессоръ М. А. Голубевъ²⁾, съ самаго начала своей

¹⁾ Никандръ Ивановичъ Глоріантовъ, нижегор., 2-й магистръ ХХ к. (1853) спб. академіи.

²⁾ Моисей Александровичъ Голубевъ, петерб. сем., 2-й маг. XVII к. (1847) спб. акад., въ 1853 г. экстр., въ 1857 г. ординарный профессоръ. Весьма интересныя свѣдѣнія о немъ сообщаются у А. С. Родосского (въ его „Біогр. слов.“), прежде намъ, студентамъ, неизвѣстныя. Да и теперь встрѣчаешься съ ними, какъ съ новостью. Оказывается, что М. А., сынъ діакона петерб. стороны, родился въ СПБ. въ сильное ноябрьское наводненіе 1824 г., въ продолженіе нѣсколькихъ дней по рожденію хранился

службы (1847 г.) занимавшій эту каѳедру, большой знатокъ своего предмета, обладавшій и даромъ слова и большимъ остроуміемъ. Сначала сообщалъ полныя и подробныя свѣдѣнія о канонѣ свящ. книгъ и объ исторіи свящ. текста, а по-тому—о свящ. книгахъ Ветхаго Завѣта, избирая для подробнаго разбора одну или нѣсколько свящ. книгъ. То же дѣлалъ и относительно новозавѣтныхъ книгъ. Читалъ онъ обоимъ курсамъ вмѣстѣ, и старшему и младшему,—въ залѣ, почему слушателей собиралось у него много. Мы часто лѣнились ходить на его лекціи, въ надеждѣ, что, при многолюдствѣ слушателей, не будетъ замѣтно отсутствіе нѣсколькихъ лицъ. Онъ былъ человѣкъ очень оригинальный; по типу онъ больше всего походилъ на англичанина: при полномъ въ сущности добродушіи, онъ отличался какою-то холодною важностью, невозмутимыемъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ и очень любилъ сѣострить. Осталось въ памяти, что онъ очень зло и остроумно подсмѣивался надъ неудачными и натянутыми комментаріями нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія. Къ сожалѣнію, онъ иногда не соблюдалъ при этомъ мѣры, именно тогда, когда ему приходилось приводить аллегорическія толкованія мѣстъ Писанія изъ твореній отцевъ и учителей церкви александрийской школы. Не знаю, какъ на моихъ товарищахъ, но на меня остроты М. А. по адресу этихъ древнихъ комментаторовъ производили не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, хотя я былъ тогда очень мало знакомъ съ отеческими твореніями. Въ настоящее же время, если бы теперь пришлось слушать М. А., такое впечатлѣніе вѣроятно было бы во много разъ сильнѣе¹⁾. Кажется, онъ увлекался своимъ даромъ остроумія, а можетъ

на водѣ въ деревянной люлькѣ, почему и названъ Моисеемъ. Онъ былъ племянникъ знаменитаго Юрьевскаго архим. Фотія, который помогалъ ему при воспитаніи.

1) Теперь для меня довольно понятенъ и психологически объяснимъ древній аллегоризмъ, какъ результатъ (кромѣ многихъ другихъ причинъ,—философской школы и пр.) дѣятельности крайне возбужденной религіозной мысли и весьма повышенаго религіознаго чувства. При такомъ состояніи, естественно искать сближеній настоящаго съ давно минувшимъ, намековъ, предуказаний въ послѣднемъ на первое, какъ это бываетъ нерѣдко и въ обыкновенной нашей жизни, когда мыываемъ чѣмъ-либо сильно поражены, потрясены. Тогда намъ припоминается многое такое (часто мелочи, примѣты), на что, при другомъ, обычномъ своемъ состояніи, мы не обращали никакого вниманія, но что теперь представляется очень знаменательнымъ.

быть хотѣль привлечь вниманіе своихъ слушателей, у которыхъ въ головѣ сидѣли темы для сочиненій, обыкновенно мѣшавшія внимательному слушанію лекцій. Во всякомъ случаѣ, М. А. Голубевъ пользовался у насъ большимъ уваженіемъ, какъ глубокій знатокъ Св. Писанія, какъ прекрасный профессоръ и какъ человѣкъ очень благороднаго, симпатичнаго характера.

Патристику преподавалъ баккалавръ П. И. Шалфеевъ¹⁾, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ личность и по уму и по сердцу и по характеру. Онъ былъ человѣкъ съ философскимъ складомъ пытливаго ума. Еще студентомъ, по воспоминаніямъ его товарища, А. И. Предтеченскаго, онъ былъ «центромъ людей, любившихъ поразсуждать объ отвлеченныхъ вопросахъ философіи и богословія», и «живѣе, можетъ быть, всѣхъ своихъ товарищѣй интересовался научными вопросами». Это замѣтно было и въ его чтеніяхъ по патристикѣ. Его лекціи обнимали творенія св. отцовъ, начиная съ мужей апостольскихъ и кончая IV вѣкомъ. Въ особенности увлекали его творенія св. Григорія Богослова. Одна изъ памятныхъ мнѣй его лекцій объ этомъ св. отцѣ напечатана въ обработанномъ видѣ въ «Христ. Чтен.» 1861 г.²⁾. Эта статья прекрасно обрисовываетъ личность св. Григорія Богослова со всѣми ея особенностями. П. И. не удовлетворялся, однако, методомъ чтенія патристики по отдѣльнымъ отцамъ и учителямъ церкви, намекая намъ въ своихъ чтеніяхъ, что онъ мечтаетъ о другой постановкѣ патристики какъ науки. Въ воспоминаніяхъ его товарища по студенчеству (А. И. Пр.) читаемъ, что онъ «хотѣль изъ своей науки создать исторію апостольскаго преданія, съ указаниемъ историческихъ обстоятельствъ, измѣнявшихъ поворотъ этой рѣки Божественнаго ученія и съ сохраненіемъ личныхъ, индивидуальныхъ чертъ характера каждого отца». Превосходная формула, хотя и весьма трудная для осуществленія ея на практикѣ; лучше ея трудно придумать другую. Вѣроятно, она заимствована изъ устъ самого П. И. Шалфеева. Сколько помнится, такъ точно онъ не формулировалъ намъ своего плана, но въ общемъ эта формула совершенно

¹⁾ Петръ Ивановичъ Шалфеевъ, псковск., 3-й магистръ спб. акад. XXI курса (1855 г.).

²⁾ У А. С. Родосскаго («Біогр. Слов.») указывается еще нѣсколько патристическихъ статей, напечатанныхъ въ «Христ. Чтен.» 1861 и 1862 г., представляющихъ по всей вѣроятности обработанныя его лекціи.

вѣрно выражаетъ предносившійся его уму идеалъ, судя по припоминаемымъ теперь его намекамъ, среди чтеній. Въ концѣ нашего младшаго курса, въ 1861 г., онъ далъ намъ даже тему для сочиненія о «желательной постановкѣ преподаванія патристики, какъ науки», при чёмъ въ моемъ сочиненіи, которое, кажется, больше всѣхъ другихъ ему понравилось, проводилась приблизительно подобная же мысль, съ тѣмъ немаловажнымъ различіемъ, что миѣ предносилась мысль не о «преданії», а о христіанской «философіи» св. отцевъ. До идеала присномятнаго моего наставника я тогда еще не дорось. Вполнѣ вѣрно и мѣтко и общее сужденіе А. И. Пр—го объ П. И. Шалфеевѣ: «съ даромъ слова не очень бойкимъ, съ памятью не пріученою къ буквальному заучиванью, онъ не былъ самыи блистательныи, но нѣть спора, былъ однимъ изъ самыхъ основательныхъ и точныхъ студентовъ» и кромѣ того былъ «глубокорелигіозенъ» еще въ студенчествѣ¹⁾). Такимъ же оказался онъ и на каоедрѣ. Глубоко входилъ онъ въ предметъ, не былъ краснорѣчивъ ораторомъ, не говорилъ, а читалъ свои лекціи и по временамъ только прерывалъ свои чтенія, поднималъ одного изъ студентовъ²⁾ и разсуждалъ съ нимъ по поводу какого-нибудь вопроса, пришедшаго ему въ голову, во время лекціи, и эти разсужденія, скорѣе бесѣды, лишенныя всякой официальности, были особенно интересны³⁾). П. И. Шалфеевъ пользовался большими нашими расположениемъ и вниманіемъ. И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что его предметъ, чисто богословскій, стоялъ вмѣстѣ съ Св. Писаніемъ, уединенно, въ этомъ курсѣ, среди предметовъ философскихъ, гражданско-историческихъ, словесныхъ, физико-математическихъ, отвлекавшихъ отъ него наше вниманіе.

¹⁾ „Христ. Чтен.“ 1862, II, 548—550.

²⁾ Между прочимъ, въ особенности часто мечя. Замѣченную его симпатию ко мнѣ товарищи объясняли какимъ-то находимымъ ими сходствомъ между нами. Наружностью, однако, мы были не похожи; можетъ быть, характеромъ, нѣкоторыми чертами духовнаго склада?

³⁾ Помнится, на одной изъ лекцій онъ поднялъ вопросъ о вкушениі Тѣла и Крови Христовой въ таинствѣ Евхаристіи и задалъ вопросъ: нельзя ли объяснить потребность именно „вкушенія“ тѣла Христова какъ-либо психологически, естественнымъ образомъ. И отвѣтилъ, что чувство сильной, пламенной любви ко Христу требуетъ именно вкушенія тѣла Его, а не причастія къ Нему только духовнаго, мысленного. При чёмъ привелъ аналогію изъ области чисто человѣческой любви, пламенной, страстной.

ние и сочувствіе въ свою сторону. Къ сожалѣнію и великому нашему удивленію, этотъ достойнѣйшій нашъ наставникъ, съ глубокимъ умомъ и такою же религіозною настроенностью, не пользовался благоволеніемъ начальства, тогдашняго ректора пр. Іоанникія (Руднева, †-митр. кіевск.), который, какъ слышно было, заподозрилъ его въ либерализмѣ, на основаніи (какъ тогда говорили) его статьи: «Христіанство и прогрессъ», напечатанной въ «Прав. Обозр.» (1861, т. IV), и еще сотрудничествомъ въ журналѣ «Духъ христіанина», считавшемся тогда либеральнымъ. Слухи эти оправдываются фактами: обойденный въ движениі по службѣ и огорченный невниманіемъ начальства къ его материальными, семейными нуждамъ¹⁾, онъ рѣшился выйти изъ академіи на службу по Мин. Нар. Просв., принялъ предложеніе объ отправленіи заграницу, для приготовленія къ профессурѣ по философіи въ университетѣ, но не далъ, какъ чрезъ мѣсяцъ послѣ состоявшагося новаго назначенія (въ маѣ 1862 г.), онъ скончался 26 іюня, того же 1862 года, отъ тяжкой болѣзни—воспаленія брюшины (перитонита, а не «отъ скоротѣчной чахотки», какъ сказано у А. С. Род. въ его Словарѣ). Передъ смертью, среди тяжкихъ страданій, онъ выразился объ нихъ такъ: «то, что я теперь терплю, немногимъ хуже баккалаврскаго жалованья!»²⁾.

Латинскій языкъ преподавалъ проф. словесности К. И. Луцицкій. Чтеній по литературѣ онъ не давалъ, а занималъ нась исключительно переводами одного изъ произведеній древнихъ классическихъ писателей (какого, не помню), тре-

¹⁾ Онъ не былъ возвведенъ въ званіе экстр. проф. и до конца своей жизни оставался баккалавромъ, т. е. до 26 іюня 1862 г., тогда какъ его товарищи по академическому выпуску—А. И. Предтеченскій и М. О. Кояловичъ—стъ 28 февраля того же 1862 г. были уже экстр. профессорами, жалованье которымъ въ то время было, впрочемъ, такое же, какъ и баккалаврамъ, т. е. 429 р. Слышно было также, что къ Пасхѣ этого же года его обошли небольшою денежною наградою, тогда какъ онъ особенно въ ней нуждался, будучи семейнымъ человѣкомъ и живя на одно скучное баккалаврское жалованье (429 р. въ годъ). Материальная его нужда бросалась въ глаза даже намъ. Онъ, напр., не имѣлъ при себѣ никогда карманныхъ часовъ, а когда было нужно узнать, сколько времени и много ли остается до конца лекціи, обращался къ намъ.

²⁾ То, что сохранилось у меня въ памяти относительно обстоятельствъ послѣдніхъ дней жизни и болѣзни П. И. Шалфеева, вѣроятно, мы слышали отъ его шурина, Н. И. Граціанскаго, нашего товарища по XXV курсу, окончившаго курсъ съ званіемъ студента академіи.

буя, вмѣстѣ съ точностью перевода, непремѣнно изящества, литературной его отдѣлки, такъ что мы готовились, въ особности къ репетиціямъ, по какимъ-то записямъ, вѣроятно сохранившимся отъ прежняго времени.

Греческій языкъ преподавалъ природный грекъ, архим. Григорій Веглерисъ, магистръ Кіевской Академіи, въ званіи баккалавра¹), мы почему-то считали его экстр. профессоромъ. О. Веглерисъ началъ съ того, что заставилъ насть писать по-гречески, скорописнымъ, употребительнымъ между греками, почеркомъ и потребовалъ, чтобы мы завели для того особыя тетради, въ которыхъ потомъ должны были записывать диктуемые имъ коротенькія фразы на древне-греческомъ языкѣ. Эти фразы онъ заставлялъ насть заучивать. Тетради наши нерѣдко бралъ къ себѣ и просматривалъ. Приходя въ классъ, онъ первымъ дѣломъ дѣлалъ намъ перекличку, чтобы убѣдиться, всѣ ли студенты находятся въ классѣ, что намъ очень не нравилось и чего не дѣлалъ ни одинъ изъ профессоровъ. Такъ прошло нѣсколько классовъ, но наконецъ послѣдовали съ нашей стороны протесты противъ такого педагогического приема, и нашъ баккалавръ счелъ за лучшее, торжественно, въ присутствіи всего класса, разорвать свой списокъ, въ которомъ онъ отмѣчалъ отсутствующихъ, послѣ чего, конечно, прекратились и переклички. Мало пользы принесъ намъ этотъ преподаватель, который, вирочемъ, былъ у насъ недолго, около года, съ осени 1859 г. до 10 мая 1860 г.²). Послѣ него преподаваніе греческаго языка было временно поручено баккалавру А. И. Прѣдтеченскому (съ 15 мая 1860 г. до 10 ноября 1861 г.). Если что осталось 'отъ о. Веглериса въ памяти, то это нѣсколько греческихъ фразъ, да ожесточенные его нападки на Еразма за введенное этимъ ученымъ произношеніе нѣкоторыхъ греческихъ словъ. О. Веглерисъ не находилъ словъ для выраженія своего негодованія, когда гово-

1) Архидіаконъ Григорій Веглерисъ, послѣдній, 21-й магистръ XVI курса (1853) кіевской акад. Онъ былъ родственникомъ знаменитаго константинопольскаго патріарха Григорія, мученически скончавшагося въ 1821 г. Подробн. біогр. Гр. Веглериса см. у И. А. Чистов. въ „Истор. спб. акад. 1858—1888 г.“ стр. 60—61.

2) Переведенъ онъ былъ 10 мая 1860 г. въ кіевск. акад. баккалавромъ греч. языка, но не захотѣлъ туда отправиться, а просилъ объ опредѣленіи его на мѣсто настоятеля греческой церкви въ Одессѣ, которое и получилъ, 26 окт. того же 1860 г. Скончался въ Кон--лѣ въ 1866 г.

риль объ этомъ произношени, усвоенномъ нашими свѣтскими учебными заведеніями. Онь положительно выходилъ изъ себя, когда говорилъ объ Еразмѣ; самый обычный эпитетъ, къ нему прилагаемый былъ: «діаволосъ». Наконецъ, никогда не забудется великолѣпная наружность этого грека-бакалавра. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ собой, брюнетъ, съ очень правильными чертами лица, красивыми глазами, великолѣпными волосами, умѣренно полный, средняго роста, съ прекрасными манерами, величавой осанкой. Вѣроятно, онъ имѣлъ немало поклонницъ среди дамъ¹⁾). Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ плохоувато²⁾.

Еврейскій языкъ преподавалъ также природный еврей, экстр. профессоръ спб. университета Д. А. Хвольсонъ³⁾, у насъ въ академіи состоявшій (до 1869 г.) въ званіи приватнаго преподавателя, большой знатокъ своего предмета, уже и тогда извѣстный ученый гебраистъ. Къ сожалѣнію, онъ не приспособился къ преподаванію еврейскаго языка въ высшей духовной школѣ. Вмѣсто того, чтобы поболѣе занимать насъ переводами съ этого языка и чрезъ то пріохотить насъ къ его изученію, какъ дѣлалъ это когда-то (по сохранившемуся преданію) приснопамятный прот. Г. П. Павскій, онъ посвящалъ переводамъ слишкомъ мало времени, а больше занималъ насъ филологическо-грамматическими тонкостями. Эти тонкости, можетъ быть, очень важныя для записныхъ филологовъ восточного факультета, надоѣдали намъ, въ особенности чрезъ постоянное повтореніе одного и того же, охлаждали наше рвение къ изученію этого важнаго для богослова языка, и въ результатѣ мы мало имѣ зanимались, а знатоковъ его между нами, кажется, совсѣмъ не было.

Новые языки преподавали: французскій—бакк. М. О. Кояловичъ, нѣмецкій—бакк. И. Т. Осининъ, англійскій—преподаватель Г. Д. Бишопъ. Англійскій языкъ не былъ обязательъ для всѣхъ студентовъ.

М. О. Кояловичъ, хорошо зная книжный французскій

¹⁾ Слышно было, что изъ-за нихъ онъ даже получиль въ Одесѣ вѣкую аварію. За вѣроность слуха, конечно, ручаться трудно.

²⁾ Вотъ образецъ одной фразы, которую онъ просилъ перевести на греческій языкъ: „мы имѣемъ нынче хорошаго, прекраснаго зима“.

³⁾ Даніиль Абрамовичъ Хвольсонъ, докторъ еврейской словесности, экстр. проф. спб. университета по восточному факультету, въ спб. дух. акад. съ 3 марта 1858 г.

языкъ, не владѣлъ разговорнымъ, но какъ пользовавшійся любовью и уваженiemъ преподаватель гражданской исторіи, располагалъ насть къ занятіямъ и по изученію французскаго языка.

И. Т. Осининъ¹⁾), какъ родившійся заграницею въ Даніи, въ Копенгагенѣ (онъ былъ сынъ псаломщика тамошней посольской церкви), зналъ пѣмецкій языкъ не только книжный, но и разговорный, свободно говорилъ на немъ. Между прочимъ, онъ и насть пріучалъ къ тому же, и хотя наши успѣхи въ этомъ отношеніи были очень невелики, но всетаки мы умѣли хоть съ грѣхомъ пополамъ составлять небольшія нѣмецкія фразы.

Г. Д. Бишопъ²⁾), природный англичанинъ,—былъ прекраснымъ преподавателемъ англійскаго языка. Онъ очень хорошо, совершенно правильно и свободно говорилъ по-русски и, что особенно замѣчательно, когда переводилъ съ англійскаго языка на русскій, то русскій переводъ оказывался вполнѣ литературнымъ, даже изящнымъ, такъ что трудно было перевести лучше и природному русскому, обладающему литературнымъ вкусомъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей хорошо и скоро изучили англійскій языкъ подъ его руководствомъ. Были у Г. Д. Бишопа нѣкоторыя странности, безъ которыхъ не обходится, кажется, ни одинъ англичанинъ. У него была страсть привратъ и присочинить³⁾.

Тонъ академической жизни задавали лица начальствующія.

Во главѣ высшаго начальства стоялъ въ первый учебный годъ (1859/60) митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Григорій (Постниковъ)⁴⁾. Митр. Григорія, всѣми глубоко чтимаго

¹⁾ Иванъ Терентьевичъ Осининъ, спб. семин., 1-й магистръ XXII к. (1857) спб. акад., баккал. обличительного богосл. съ 1857 г.

²⁾ Генрихъ Джонъ Бишопъ, съ 1835 г. русскій подданный, въ с.-петербургской акад. съ 1856 г. (послѣ проф. М. А. Голубева, который преподавалъ англ. языкъ съ 1852—1856). † Бишопъ 1867.

³⁾ Живо помню, какъ однажды приходитъ онъ въ классъ и самодовольно поглаживая свой подбородокъ (обычный его жестъ), говоритъ, что онъ вчера рано утромъ отправился на охоту, въ Вятку, съ какойто знатной компанией, чуть ли не съ посланниками, въ томъ числѣ англійскимъ, и поздно ночью, часовъ въ 12, былъ дома.

⁴⁾ Егоръ, въ монаш. Григорій Постниковъ, 3-й маг. I к. (1814) спб. акад., 1816—инспекторъ спб. академіи, 1817—докторъ богословія, 1819—ректоръ спб. академіи, 1822—еп. викар. ревельскій, 1826—еп. калужскій, 1829—архіеп. рязанскій, 1831—тверской, 1848—казанскій, 1856—митр. казанскій (26 авг.), митр. новгород. и с.-петербургскій (1 окт.) † 1860 г., июня 17.

за его строгую аскетическую жизнь, твердость характера и ученые труды, въ особенности по изученію и обличенію русского раскола, мы видѣли въ академіи, вѣроятно, на рождественскомъ экзаменѣ. Довольно высокаго роста старець. съ строгими чертами блѣднаго лица,—такимъ онъ остался въ нашемъ представлениі. Но кромѣ впечатлѣнія отъ его наружности ничего другого въ нашей памяти не сохранилось.

Въ слѣдующіе годы нашего студенчества, равно какъ долго послѣ, въ годы нашей академической службы, митрополитомъ новгородскимъ, с.-петербургскимъ, эстляндскимъ и финляндскимъ былъ преемникъ митр. Григорія, митрополитъ Исидоръ (Никольский)¹⁾. О немъ придется еще много говорить впослѣдствіи.

Ближайшими къ намъ начальствующими лицами были ректоръ и инспекторъ.

Въ первый учебный годъ (1859/60) ректоромъ С.-Петербургской Академіи былъ архим., а потомъ (съ 13 сентября 1859 г.) епископъ выборгскій, викарій с.-петербургскій, Нектарій (Надеждинъ)²⁾, человѣкъ мягкаго, привѣтливаго, довѣрчиваго характера³⁾, болѣе или менѣе сочувствовавшій тогдашнимъ либеральнымъ вѣяніямъ, въ лучшихъ, конечно, ихъ сторонахъ, значительно ослабилъ суровость прежняго макарьевскаго († митр. Макарія Булгакова) режима. При проводахъ его студенты поднесли ему панагію. Это было дѣломъ по преимуществу студентовъ старшаго курса.

Въ остальные учебные годы (1860—1863) былъ ректоромъ преемникъ Нектарія, сначала также архимандритъ, а

¹⁾ Яковъ Сергеевичъ Никольский, въ монаш. Исидоръ, тульск., 2-й маг. VI к. (1826) спб. акад., 1826—бак. спб. акад., 1829—рект. орлов. сем.; 1833—москов. сем., 1834—вик. еп. дмитров., 1837—еп. полоцкій, 1840—могилевск., 1841—архіеп., 1844—картал., экзархъ Грузіи, 1856—митрополитъ, 1858—митр. кievскій, 1860—митр. новгор. и с.-петербургскій (1 юля).

²⁾ Николай, въ монахи. Нектарій (Надеждинъ), тамбов., 26-й маг. XI к. (1843) кievск. акад., 1849—инсп. кiev. сем., 1851—ректоръ кiev. сем., 1856—рект. новгор. сем., 1857—рект. спбург. семин., 1859—рект. спб. акад. и еп. выборгскій, 1860—еп. нижегород., 1867—архіеп., 1866—архіеп. харьковскій, † 1874.

³⁾ Въ своихъ „Замѣткахъ и воспоминаніяхъ“ („Богосл. Вѣсти.“ янв. 1914 г.) митр. Леонтий, хотя и говоритъ о немъ, что онъ „искналъ популярности у студентовъ“, но въ концѣ концовъ называетъ его „человѣкомъ прекраснымъ по душѣ“.

потомъ (съ 1861 г., 12 іюня) епископъ выборгскій Іоанникій (Рудневъ)¹⁾, несравненно болѣе даровитый, чѣмъ его предшественникъ, но совсѣмъ другого характера, суроваго, недовѣрчиваго, подозрительнаго, не находившій ничего достойнаго сочувствія въ тогдашихъ стремленіяхъ молодежи, задался цѣлію поднять упавшую дисциплину въ академіи. Что изъ этого вышло, увидимъ впослѣдствії.

Первые полтора мѣсяца послѣ нашего поступленія въ академію у насъ въ сущности не было инспектора. Мы застали состоявшаго въ то время инспекторомъ архим. Епифанія (Избитскаго)²⁾, изъ польскихъ дворянъ, изъ католицизма перешедшаго въ православіе. Онъ былъ, такъ сказать, на отлѣтѣ, ждалъ назначенія на другую должность, которое послѣдовало 2 сент. того же 1859 г. Затѣмъ нѣсколько дней (10-ть), не вступая въ должность инспектора, числился въ ней архим. Асинкритъ (Верещагинъ)³⁾, назначенный (5 сент.), но по его прошенію, уволенный (15 сент.) отъ духовно-учебной службы. Прошелъ еще мѣсяцъ и 15 окт. мы получили наконецъ инспектора въ лицѣ архим. Павла (Лебедева † архіеп. казан-

¹⁾ Иванъ, въ монаш. Іоанникій Рудневъ, тульск., 1-й маг. XIV° курса (1849) кіевск. акад., 1849—бакк. кіевск. акад. по Св. Пис., 1856—инсп. кіевск. акад., 1858—рект. кіевск. сем., 1859—кіевск. акад., 1860—рект. спб. акад., 1861—еп. выборгскій, 1864—еп. саратовскій, потомъ еп. нижегородскій, архіеп. и экзархъ Грузіи, митроп. московскій и † митроп. кіевскій.

²⁾ Епифаній (въ мірѣ Евстафій Избитскій), изъ польскихъ дворянъ волынск. губ., сначала католикъ, обучался въ виленской акад., потомъ въ 1841 въ кіевск. университетѣ по философскому факул., гдѣ получилъ степень магистра, въ 1846—учитель черниговской гімн., 1851—учит. житомирскаго раввинскаго училища, 1854—принялъ православіе, 1856 г.—12-й магистръ москов. акад. XI курса, 1856—инспект. виленской сем., 1858—инсп. спбургской акад., 1859—рект. кавказск. сем., 1861—оставилъ духовную службу, жилъ въ моск. Симоновомъ мон., 1866—членъ Забайкальской міссіи, † 1869 тамъ же, въ Забайкальѣ.

³⁾ Іером. Асинкритъ (Верещагинъ), 3-й маг. XX (1853) курса спб. акад., 1853—баккал. по патристикѣ въ спб. акад., 1855—инспект. петрозав. сем., 1859—назначенъ инсп. спб. акад. и, послѣ отказа его отъ этого назначенія, настоятель новгородск. Сковородского мон., а потомъ инсп. новгород. сем. и ректоръ калужской, вскорѣ скончался. По слухамъ и по печатнымъ отзывамъ (Ист. спб. акад. И. А. Чистов. стр. 14), „это былъ человѣкъ даровитый, но крайне мнительный и вдобавокъ болѣзниный“. Онъ былъ назначенъ инспекторомъ прямо „съ присвоенiemъ ему званія ординарн. проф.“.

скій)¹⁾, который пробыл у насъ около двухъ лѣтъ (съ 15 окт. 1859 по 23 авг. 1861 г.), т. е. въ теченіе всего младшаго курса и оставилъ по себѣ хорошую, благодарную память. Мы недостаточно его пѣнили въ бытность его инспекторомъ и вспомнили о немъ, когда перешли на старшій курсъ, когда разыгралась октябрская (4 окт. 1861 г.) исторія со всѣми ея послѣдствіями и вліяніемъ на складъ нашей жизни въ послѣдніе два года пребыванія въ академіи.

Но о дисциплинѣ и порядкахъ нашей студенческой жизни на младшемъ курсѣ скажемъ потомъ, теперь же перейдемъ къ нашимъ учебнымъ занятіямъ на этомъ курсѣ.

Скоро мы поняли, что система академического образованія очень напоминаетъ систему тогданиаго семинарскаго. Какъ тамъ все было направлено къ нашему формальному развитію, преимущественно къ упражненію въ письменныхъ работахъ, такъ—и здѣсь въ академіи. Различіе было только въ характерѣ чтеній, да еще въ томъ, что въ семинаріи задавали намъ уроки и каждый классъ спрашивали у насъ отчетъ въ усвоеніи заданнаго, а здѣсь въ академіи нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ читали намъ лекціи и не контролировали насъ въ ихъ усвоеніи, задавая въ то же время много сочиненій, не менѣе 5 (съ проповѣдью) въ годъ.

Что касается лекцій, то мы слушали внимательно только любимыхъ и интересныхъ для насъ преподавателей. У другихъ или сидѣли въ классѣ (во избѣженіе инспектора Павла, часто посѣщавшаго занятія комнаты, во время лекцій), занимаясь въ это время чѣмъ попало, или скрывались въ такъ называемыхъ «катакомбахъ»,—хлѣбопекарнѣ, куда отправлялись, кстати сказать, и въ другое время, любители табаку, чтобы покурить. Зная такое отношеніе студентовъ къ лекціямъ, тѣ профессоры, которые желали имѣть у себя полную и внимательную аудиторію, старались всячески заинтересовать своихъ слушателей. Отсюда вѣль начало характеръ нѣкоторыхъ чтеній, отсюда—приправа къ нимъ (остроты, соль ихъ).

¹⁾ Еромонахъ Павелъ Лебедевъ, тверск., 8-й маг. ХХ (1853) курса спб. акад., 1853—препод. спб. сем., 1857—инспект. спб. сем., 1859—инсп. спб. акад., 1861—ректоръ смоленск. сем., 1866—рект. петерб. сем., 1868—еп. выборгскій, вик. спб., 1869—еп. ладожскій, вик. спб., 1871—еп. кишиневск., потомъ архіеп. экзархъ Грузіи, архіеп. казанскій, † въ Казани. Инспекторомъ спб. акад. онъ былъ съ званіемъ экстраорд. профессора.

Отчетъ въ усвоеніи лекцій мы давали на экзаменахъ, два раза въ годъ,—рождественскихъ и предъ лѣтними каникулами,—и на репетиціяхъ предъ экзаменами. Но этотъ отчетъ не имѣлъ серьезнаго характера.

Репетиціи производили не всѣ профессоры,—нѣкоторые не дѣлали ихъ вовсе, сберегая время для лекцій. Помню репетиціи только нѣкоторыхъ: В. Н. Карпова и въ особенности К. И. Лучицкаго, аккуратно и строго ихъ выполнившаго. Да и для репетицій выдавались въ большинствѣ случаевъ особыя литографированныя лекціи, содержавшія нерѣдко не то, что читалось, а то, что представлялось къ экзаменамъ. Такой обычай выдаванія особыхъ записокъ для экзаменовъ явился, вѣроятно, изъ опасенія цензуры со стороны властей: ректоръ, митрополитъ и академическихъ ревизоровъ. Нѣкоторые изъ профессоровъ выдавали для репетицій и экзаменовъ болѣе или менѣе подробныя программы прочитаннаго, напр. В. Н. Карповъ—по психологіи.

А. Катанскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки